

and treatment // *Curr Opin Neurol.* — 2001. — Vol. 14. — № 3. — P. 305–312.

3. Bersano A., Ranieri M., Ciammola A. et al. Considerations on a mutation in the notch3 gene sparing a cysteine residue: a rare polymorphism rather than a cadasil variant // *Funct Neurol.* — 2012. — Vol. 27. — № 4. — P. 247–252.

4. Bianchi S., Dotti M. T., Gallus G. N. et al. The first deep intronic mutation in the NOTCH3 gene in a family with late-onset CADASIL // *Neurobiol. Aging.* — 2013. — Vol. 34. — № 9. — P. 2234.

5. Ferrera P. C., Curran C. B., Swanson H. Etiology of pediatric ischemic stroke // *Am. Journal of Emergency Medicine.* — 1997. — Vol. 15. — № 7. — P. 671–679.

6. Goto I., Yoshimura T., Kobayashi T., Kuroiwa Y. Adrenoleukodystrophy and beta-galactosidase deficiency: patient and carrier // *J. Neurol.* — 1986. — Vol. 233. — № 5. — P. 306–308.

7. Gumbinas M., Liu H. M., Dawson G. et al. Progressive spastic paraparesis and adrenal insufficiency // *Arch. Neurol.* — 1976. — Vol. 33. — № 10. — P. 678–680.

8. Honzawa S., Sugai K., Akaike H. et al. Nineteen cases of school-aged children with degenerative or metabolic neurological disorders initially presenting with learning difficulty and/or behavior disturbance // *No To Hattatsu.* — 2012. — Vol. 44. — № 4. — P. 295–299.

9. Jonch A. E., Danielsen E. R., Thomsen C. et al. Intravenous immunoglobulin treatment in a patient with adrenomyeloneuropathy // *BMC Neurology.* — 2012. — № 12. — P. 108.

10. Kumar R., Nijalingappa S., Grainger J., Ismayl O. Acute disseminated encephalomyelitis mimicking late CNS relapse of acute lymphoblastic leukaemia: case report // *J. Med. Case Rep.* — 2007. — Vol. 9. — № 1. — P. 4.

11. Miranda C. O., Brites P., Sousa M. M., Teixeira C. A. Advances and Pitfalls of Cell Therapy in Metabolic Leukodystrophies // *Cell. Transplant.* — 2013. — Vol. 22. — № 2. — P. 189–204.

12. Labauge P. Magnetic resonance findings in leucodystrophies and MS // *Int. MS J.* — 2009. — Vol. 16. — № 2. — P. 47–56.

13. Radtke K. K., Coles L. D., Mishra U. et al. Interaction of n-acetylcysteine and cysteine in human plasma // *J. Pharm Sci.* — 2012. — Vol. 101. — № 12. — P. 4653–4659.

14. Warmuth-Metz M. Metabolic disorders with typical alterations in MRI // *Radiologe.* — 2010. — Vol. 50. — № 9. — P. 775–783.

15. Wojewoda M., Zabocki K., Szczepanowska J. Diseases caused by mutations in mitochondrial DNA // *Postepy Biochem.* — 2011. — Vol. 57. — № 2. — P. 222–229.

## РЕЗЮМЕ

В. В. Никитина, А. Н. Правдина

### Врожденные и приобретенные митохондриальные расстройства центральной нервной системы

Клинические проявления расстройств центральной нервной системы манифестируют при врожденных и приобретенных митохондриальных расстройствах у пациентов в молодом и среднем возрасте, когнитивные нарушения наиболее часто преобладают при митохондриальных дисфункциях. Эффективными методами первичной диагностики этих состояний в настоящее время остаются неврологическое, нейropsychологическое исследование пациентов, применение биохимических маркеров митохондриальных расстройств: определение уровня лактата, общего гомоцистеина в плазме крови, ликворе. Актуально использование нейровизуализационного исследования — как классической МРТ ГМ, так и МР-спектроскопии, трактографии, МР ГМ в диффузионно-взвешенном режиме, генотипирование митохондриального генома для проведения дифференциальной диагностики митохондриальных заболеваний с другими болезнями, сопровождающимися демиелинизирующими проявлениями при выполнении нейровизуализационных исследований.

**Ключевые слова:** конгенитальный, митохондриальный, лактат, общий гомоцистеин.

## SUMMARY

V. V. Nikitina, A. N. Pravdina

### Congenital and acquired mitochondrial disorders of the central nervous system

Clinical presentations of disorders of the nervous system manifest in young and middle-aged patients with congenital and acquired mitochondrial dysfunctions and cognitive disorders manifest in patients with mitochondrial diseases more often. Nowadays the effective methods of initial diagnosing of these conditions are neurological and neuropsychological examination of patients, using of biochemical markers of mitochondrial diseases: the indices of lactate, total homocysteine in plasma and liquor. Neuro-visual study (Magnetic resonance imaging of the brain, MR spectroscopy, tractography, diffusion-weighted magnetic resonance imaging of the brain, mitochondrial DNA typing) is actually used for the differential diagnosing of mitochondrial diseases with other disorders that are accompanied by demyelinating disorders.

**Key words:** congenital, mitochondrial, lactate, total homocysteine.

© А. А. Мартынова, 2014 г.  
УДК 343.95/.96

**А. А. Мартынова**

## ВРЕМЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА ОСУЖДЕННЫХ ПО КОРЫСТ- НЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

Кафедра психосоматики и психотерапии Санкт-Петербургского государственного педиатрического медицинского университета

## ВВЕДЕНИЕ

Под *временной перспективой* понимают актуальные обозначения представлений субъекта о своем будущем и прошлом. К. Левин [3] подчеркивал, что поведение и психическое состояние человека нередко в большей степени зависит от его надежд, опасений и воспоминаний, чем от текущей ситуации «здесь и теперь». По мнению автора, «психологическое поле», существующее в данный момент, включает представление о своем будущем и прошлом. «Временная перспектива» — это и есть включение будущего и прошлого, реального и идеального плана жизни.

Наибольшую разработку в рамках мотивационного подхода получила временная перспектива будущего, так как именно в будущем расположены ожидания, цели, к которым стремится человек.

Изучением временной перспективы занимались такие авторы, как Ф. Зимбардо и Дж. Бойда [6]. В своей работе они дают полную разработку временной ориентации, которая понимается ими как оценочный компонент размышлений человека о прошлом, настоящем, будущем. Ф. Зимбардо обосновывает необходимость изучения временной ориентации в единстве ее мотивационной, эмоциональной, когнитивной и социальной составляющих. Временная ориентация может подвергаться влиянию внешних факторов, ситуации, но при этом она может стать относительно стабильной характеристикой личности, когда во взглядах человека на жизнь начинает преобладать ориентация на определенный временной период [7].

Ф. Зимбардо разработал опросник «Zimbardo Time Perspective Inventory» для изучения временной ориентации человека. Ф. Зимбардо совместно с А. Гонзалесом выделили пять основных временных ориентаций — негативное прошлое, гедонистическое настоящее, будущее, позитивное прошлое, фаталистическое настоящее, которые отражают характер отношения к временным периодам жизни и общую направленность поведения индивида.

В настоящее время изучением временной перспективы будущего занимаются такие ученые, как А. А. Кроник, Р. А. Ахмеров [2]. Авторы причинно-целевой концепции психологического времени Е. И. Головаха, А. А. Кроник [1] в качестве проблемы исследования определили особенности отражения и оценивания человеком своей жизни. Они выделяют причинные и целевые отношения, которые представляют два противоположных по своему направлению типа межсобытийных связей. В отношениях «причина — следствие» предшествующие события детерминируют последующие. В отношениях «средство — цель» последующие события являются детерминантой предшествующих. Понимание и осознание мотивационных связей в своей жизни позволяют человеку оценить целостную картину жизни в единстве прошлого, настоящего и будущего. Анализ количества и характера межсобытийных связей дает возможность изучать актуальность, реализованность и потенциальность временных отрезков жизненного пути, т. е. наличие у человека значимых воспоминаний, переживаний и ожиданий.

Представление осужденного себя во времени позволяет анализировать последствия прошедших событий, раскрыть смысл настоящего момента, задавать цели и планы на будущее.

**Целью** исследования является изучение временной перспективы осужденных в местах лишения свободы по корыстным преступлениям в первоначальный период отбывания наказания.

## МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование было проведено при помощи метода наблюдения; экспертной оценки особенностей поведения и состояния осужденных сотрудниками воспитательной, режимной и психологической служб, а также с помощью опросника временной перспективы Ф. Зимбардо (в адаптации А. Сырцовой) [5]. Выборку составили 240 заключенных, отбывающих наказание в течение первых трех месяцев, из них 120 осужденных мужского пола, приговоренных (с единичной и многократной судимостью) по ст. 158 УК РФ («Кража») и 120 осужденных женского пола, отбывающих наказание (с единичной и многократной судимостью) по ст. 158 УК РФ («Кража»). Возраст испытуемых — от 18 до 35 лет.

## РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

По результатам исследования временной перспективы был получен следующий временной профиль у обследованных: наиболее выраженной является ориентация на будущее ( $M = 2,5$ ), далее следует настоящее гедонистическое ( $M = 2,4$ ), затем прошлое негативное ( $M = 1,7$ ) и прошлое позитивное ( $M = 1,6$ ), и замыкает список фаталистическое настоящее ( $M = 1,4$ ).

Эти показатели рассматривались в 4 группах:

- 1) мужчины первично осужденные;
- 2) мужчины с тремя и более судимостями;
- 3) женщины первично осужденные;
- 4) женщины с тремя и более судимостями.

В результате исследования можно констатировать, что статистически значимых различий между указанными группами не выявлено.

Использованный в нашем исследовании метод временной перспективы позволил выявить у осужденных большую нацеленность на будущее. Возможно, это связано с тем, что именно будущее позволяет выстроить цели, которые могут являться для заключенного неким смыслом в настоящей жизни и поддерживать связь с реальным миром.

Анализ средних показателей по шкале «Прошлое негативное» ( $M = 1,7$ ) дает основание говорить о низкой значимости травматических событий в прошлой жизни осужденных. В сложных условиях пребывания в исправительно-трудовом учреждении (ИТУ) осужденные вынуждены искать поддержку от своего близкого окружения, их воспоминания о прошлом носят позитивный характер. Вместе с тем прослеживается положительная перспектива будущего

(«Будущее» —  $M = 2,5$ ), которая включает главный компонент, заключающийся в изменении настоящей ситуации («Гедонистическое настоящее» —  $M = 2,4$ ). Дополнительные данные были получены при помощи наблюдения за осужденными.

Так как осужденные имеют низкие показатели по шкале «Настоящее фаталистическое» ( $M = 1,4$ ), можно предположить, что заключенные рассчитывают только на себя и понимают, что повлиять на свою жизнь могут только они. Для осужденных характерно продумывать варианты своего поведения, вырабатывать стратегии разрешения возникающих проблем, планировать собственные действия с учетом тех условий, в которых они находятся. Происходит поиск близкого окружения на территории пени-тенциарного учреждения, что, в свою очередь, помогает им выстроить ситуационную стратегию своего поведения, которая и помогает им справиться со стрессом с наименьшими потерями.

При исследовании временной перспективы на первоначальном этапе отбывания наказания обнаруживается феномен «искажения восприятия жизненного пути во временном континууме». Данный феномен можно условно разделить на 3 основных компонента:

- 1) искажение и идеализация прошлого и будущего;
- 2) выпадение жизни осужденного в настоящем из временного континуума жизненного пути;
- 3) параллельное существование в реальном и виртуальном мире.

Так, первый компонент проявляется в том, что у осужденных происходит идеализация бывших отношений, будущее проецируется без учета реальности. При общении между собой они часто обсуждают события своей прошлой жизни за пределами ИТУ и активно планируют свою жизнь после отбывания срока. Один из осужденных постоянно хвастался перед другим своим чертежом будущего дома, он досконально описал, каким он будет, какой будет детская комната, а как будет выглядеть их с женой спальня. При этом имеются сведения в психологической службе ИТУ: жена после его осуждения подала на развод и отношения с ней нарушены, а о жизни детей он узнает через свою мать. Подобная картина наблюдается и у других осужденных. Так, один заключенный утверждал, что им было организовано две бригады по ремонту квартир, но, чтобы не платить налоги, он нигде официально их не регистрировал. Тем не менее имеются сведения о том, что никаких бригад у него не было, своего дела он не открывал, а часто не работал, употреблял алкоголь и легкие наркотические вещества. Несмотря на это, осужденный утверждал, что когда он выйдет, он продолжит свое дело, четко проектируя, на каких объектах и за какую плату он будет работать. Из наблюдений и экспертной оценки сотруд-

ников ИТУ обнаруживается, что данный заключенный показывает низкий уровень профессионализма и производительности труда в трудовых мастерских ИТУ. Этот пример является типичным, когда осужденные дополняют событиями свою жизнь. Можно сказать, что осужденные, находясь в заключении, тем не менее, проигрывают другую жизнь, которая и позволяет им выжить здесь и сейчас.

Второй компонент феномена заключается в том, что осужденные склонны приближать будущее и представлять события искаженно. Они подробно описывают только свое прошлое и будущее. Отрезок настоящей жизни для них является не существенным, очень кратковременным и скоротечным, для них его как бы нет. Создается впечатление, что попали в ИТУ совсем недавно и выйдут в ближайшее время. Из беседы с осужденным: «Когда я выйду, это будет совсем скоро, летом, то я встречу со своей женой и дочкой, и мы, как раньше, поедем в деревню к моим родителям, жена испечет мои любимые пироги с капустой. Знаете, какие пироги печет моя Светка!». Создается некая иллюзия счастливой жизни, но именно эта иллюзия и позволяет выжить в настоящий момент. По мнению работников колонии, это типичный пример, который свойственен для всех осужденных.

Из беседы с осужденными выяснилось, что они детализированно представляют, как они вернутся в свой дом, как их встретит семья, что приготовят, какие слова они скажут друг другу при встрече и т. д. При этом осужденный осознает, что никакой семьи уже давно нет, семья распалась, как только он попал сюда. По их ощущениям, настоящая жизнь носит временный характер, что также подтверждается низким показателем по шкале «Настоящее фаталистическое», заключенные устремлены в будущее.

Третий компонент заключается в том, что заключенные выдумывают свою жизнь и эмоционально включены в выдуманные переживания. В реальном мире заключенные полностью ориентированы, понимают, где они и что происходит вокруг. Но, наряду с этим, у них есть другая, виртуальная жизнь, которая исходит из их прошлого, а также из их мечтаний. Именно эта виртуальная жизнь помогает осужденным получить то, к чему они стремятся в реальной жизни. В параллельном мире заключенный имеет то, чего у него нет в настоящем. Происходит условное разделение на параллельное существование. У ряда осужденных в реальной жизни есть определенные события, но, тем не менее, они склонны их приукрашивать, а другие склонны полностью сочинять эти жизненные ситуации. Реальный мир предполагает собой жизнь в рамках ИТУ, а виртуальный мир наблюдается в виде фантазий и иллюзий.

Существуют подобные исследования (проведенные Ю. В. Славинской, Б. Г. Бовин в 2011 г.) на осужденных в возрасте от 28 до 64 лет, приговоренных к пожизненному лишению свободы в колонии особого режима, отбывающих пожизненный срок заключения, на момент исследования отбывших от 10 до 22 лет заключения. Данные о наличии у заключенных выраженных позитивных установок в отношении будущего (позитивная ориентация на будущее), низком уровне оценки фаталистичности настоящего, высоких показателей по шкале «Позитивное прошлое» авторы объясняют тем, что заключенные ориентированы на условно-досрочное освобождение по истечении 25 лет заключения. Это можно сказать и обо всех заключенных, находящихся на территории колонии: они допускают вероятность досрочного освобождения [4]. Тем не менее авторы в своей работе не описывают феномена «искажения восприятия жизненного пути во временном континууме». В своей интерпретации полученных данных они останавливаются только на «приближении будущего».

Итак, рассматриваемый феномен помогает заключенным адаптироваться в первоначальный период отбывания наказания. Иллюзии параллельного мира, по сути, являются защитным механизмом, который помогает им выжить и смириться со сложившейся ситуацией. Можно констатировать, что те осужденные, у которых в большей степени выражен рассматриваемый феномен, лучше адаптируются на первоначальном этапе отбывания срока. У тех же лиц, у которых слабо выражен этот феномен, наблюдаются проявления «Депрессивных расстройств» (F41.2 по МКБ-10) и «Реакции на тяжелый стресс и нарушения адаптации» (F43 по МКБ-10). У тех лиц, у которых этот феномен слабо выражен, можно констатировать проявления «Депрессивных расстройств» (F41.2 по МКБ-10) и/или «Реакции на тяжелый стресс и нарушения адаптации» (F43 по МКБ-10).

## ВЫВОДЫ

1. У всех обследованных осужденных по корыстным преступлениям в первоначальный период отбывания наказания профиль временной перспективы носит одинаковый характер с преобладанием ориентации на будущее.

2. При изучении временного континуума выявлен феномен «искажения восприятия жизненного пути во временном континууме», который состоит из трех компонентов: 1) искажение и идеализация прошлого и будущего; 2) выпадение жизни осужденного в настоящем из временного континуума жизненного пути; 3) параллельное существование в реальном и виртуальном мире.

3. Указанный феномен влияет на степень выраженности «Депрессивных расстройств» (F41.2 по МКБ-10) и «Реакций на тяжелый стресс и нарушение адаптации» (F43 по МКБ-10) у осужденных в первоначальный период отбывания наказания: чем ярче он проявляется, тем более успешна адаптация к условиям ИТУ.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности. — Киев, 1984. — 207 с.
2. Кроник А. А., Ахмеров Р. А. Каузометрия. — М.: Смысл, 2008. — 292 с.
3. Левин К. Теория поля в социальных науках. — СПб., 2000. — 13 с.
4. Славинская Ю. В., Бовин Б. Г. Временная перспектива отбывающих пожизненное лишение свободы // Прикладная юрид. психол. — 2011. — № 4. — С. 41–54.
5. Сырцова А., Соколова Е. Т., Митина О. В. Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо // Психолог. журн. — 2008. — Т. 29. — № 3. — С. 101–109.
6. Boyd J. N., Zimbardo P. G. Time perspective, health, and risk taking // Understanding Behavior in the Context of Time / A. Strathman, J. Joireman (eds.). — Mahwah, 2005. — P. 85–108.
7. Harber K. D., Zimbardo P. G., Boyd J. N. Participant self-selection biases as a function of individual differences in time perspective // Basic And Applied Social Psychology. — 2003. — Vol. 25 (3). — P. 255–264.

## РЕЗЮМЕ

А. А. Мартынова

**Временная перспектива осужденных по корыстным преступлениям в первоначальный период отбывания наказания**

По всем показателям временной перспективы, вне зависимости от пола и количества судимостей, у осужденных по корыстным преступлениям на первоначальном этапе отбывания наказания статистически значимых различий не выявляется. Выявлен феномен «искажения восприятия жизненного пути во временном континууме», степень выраженности которого влияет на успешность адаптации в первоначальный период отбывания наказания.

**Ключевые слова:** временная перспектива, первоначальный период отбывания наказаний.

## SUMMARY

A. A. Martynova

**Time perspective of the convicts of acquisitive crime in the initial period of serving the sentence**

There were no statistically significant differences in the initial period of serving the sentence by all parameters of time perspective regardless of gender and the number of the previous records of acquisitive crime. A phenomenon of «perceptual distortion of course of life in the time continuum» was revealed. The degree of its manifestation affects the success of adaptation in the initial period of serving the sentence.

**Key words:** time perspective, initial period of serving the sentence